

ВВЕДЕНИЕ

В отечественной археологии, как и в зарубежной, неолитоведение всегда представляло собой одно из самых актуальных направлений исследований. Однако становление его шло довольно сложным путем. Многообразие культур, ландшафтов, природно-климатических условий, огромные пространства крайне затрудняли однозначное понимание неолита в целом. Неолитическими признавались культуры, зачастую диаметрально отличающиеся друг от друга, что порождало в научной среде многочисленные и довольно острые дискуссии.

Важнейшим результатом на пути осмысления неолита как особого феномена стало осознание исследователями, главным образом отечественными, принципиальной разницы между неолитом северных и южных областей Евразии и признание ими того факта, что переход от палеолита к неолиту при всем разнообразии его конкретных обстоятельств мог осуществляться двумя различными путями – на базе производящего и присваивающего хозяйств [см., напр., материалы дискуссии в КСИА. 1984. Вып. 180; Гурина 1973; Хлобыстин 1978; Неолит Северной...].

Новый импульс полемике вокруг неолита придало открытие в бассейне Японского моря финально-плейстоценовых комплексов с остатками керамической посудой (а точнее окончательное признание факта их существования). Можно сказать, эти события перевернули привычную картину мира всех археологов. Западным специалистам, возвращенным на концепции неолитической революции Г. Чайлда, пришлось привыкать к мысли об отсутствии неразрывной связи между керамикой и производящим хозяйством [Ceramics before farming: 33-50], в российской археологии «посыпалась» вся система критериев выделения неолита, в которой керамика играла ключевую роль.

Что же в действительности происходило в бассейне Японского моря на рубеже плейстоцена и голоцена? Вопрос этот пока очень далек от своего решения, строго говоря, нам еще только предстоит найти на него ответ, но тем не менее некоторые общие характеристики этой эпохи в последнее время стали просматриваться.

Так, после внимательного анализа упомянутых финально-плейстоценовых комплексов стало ясно, что керамика – далеко не единственный неолитический маркер, характеризующий их. Другими немаловажными их составляющими являются, например, такие типично неолитические новации, как наконечники стрел и рубящие орудия типа топоров и тесел, в том числе обработанные приемами шлифования. В таком контексте комплексы с древнейшей керамикой выглядят не как какое-то случайное явление, а как отражающие процесс постепенной трансформации палеолитического уклада в неолитический. По мнению многих, пусковым механизмом этих трансформаций стали серьезные изменения природно-климатических условий и ресурсной базы, вызванные таянием ледников и общим потеплением. Анализ же каменных индустрий показал, что все эти неолитические по сути новации имели в бассейне Японского моря глубоко местные корни [Кононенко 1994; Поздний палеолит...; Васильевский и др. 1997; Деревянко и др. 1998; Васильевский 2000; Охотники-Собиратели...; Табарев 2004; Яншина 2008].

Дальнейшие открытия привели специалистов к еще одному очень важному выводу. Оказалось, процесс неолитизации разворачивался в совершенно различных природно-климатических зонах и в зависимости от этого на разной хозяйственной основе. Например, на юге Японского архипелага и Китая значительную роль в хозяйстве играли про-

дукты собирательства, прежде всего растительно-го происхождения [Imamura 1996; Underhill 1997; Junko Habu 2004; Zhang, Hung 2008], в Китае это вскоре привело к сложению земледельческого комплекса. На севере Японии и, по-видимому, на Амуре большое значение имело освоение морских и речных ресурсов [Васильевский и др. 1997; Табарев 2004; Икава-Смит 2005; Imamura 1996], а в Забайкалье неолитические новации затронули типичные охотничьи культуры [Ветров 1981; 2010; Berdnikova 1995].

Эти наблюдения показывают, что дальнейшее углубление наших знаний о том, как шел процесс неолитизации в бассейне Японского моря и прилегающих к нему территориях, возможен только по пути более детального изучения региональных материалов, только так можно воссоздать всю палитру событий и раскрыть все возможные механизмы этого процесса с тем чтобы впоследствии стало возможно понять и всю картину в целом.

В настоящем издании вниманию исследователей будут предложены материалы, раскрывающие некоторые аспекты процесса неолитизации в Нижнем Приамурье. Начало неолита в этом регионе связывают с памятниками осиповской археологической культуры. История их изучения насчитывает лишь немногим менее 100 лет. Самые первые из них были открыты М.М. Герасимовым в черте современного г. Хабаровска еще в конце 1920-х гг., в том числе среди них был обнаружен и памятник Осиповка-1, давший позднее название всей культуре в целом. В 1935 г. эти памятники обследовал А.П. Окладников, тогда же им были найдены и новые стоянки данного типа. Оба исследователя определили их как наиболее ранние памятники каменного века Нижнего Приамурья [Герасимов 1928; Окладников 1980; Ветров и др. 2007].

Спустя годы на рубеже 1950-1960-х гг. А.П. Окладников вернулся на Амур как руководитель Дальневосточной археологической экспедиции и развернул здесь широкомасштабные археологические работы. В числе первых им были проведены раскопки стоянки Осиповка-1 [Окладников 1960 а; Окладников, Деревянко 1973: 39-41]. Благодаря своему яркому своеобразию ее осиповский комплекс привлек к себе особое внимание исследователя и использовался им в обобщающих трудах по Дальнему Востоку при характеристике переходного времени от палеолита к неолиту [История Сибири 1968: 89-92], хотя сам таксон «осиповская культура» был введен в литературу несколько позднее [Деревянко 1973: 252]. А.П. Окладников отнес осиповские памятники к мезолиту [Окладников 1971 а, 1973; Деревянко 1983], однако такое понимание осиповской культуры просуществовало недолго – лишь до начала 1980-х гг.

Переломным моментом в ее изучении стали раскопки поселения Гася. Оно было открыто в 1935 г. [Окладников 1980: 14], но систематическое его

изучение началось только в 1975 г. А.П. Окладниковым и В.Е. Медведевым [Деревянко, Медведев 1992 а]. Уже в первых раскопах 1975-1976 гг. в нижнем слое памятника В.Е. Медведевым, который непосредственно руководил работами, было отмечено совместное залегание осиповских артефактов и фрагментов керамики, но доказать их принадлежность к одному комплексу удалось чуть позже. В 1980 г. вместе с осиповскими каменными орудиями *in situ* был найден развал сосуда, залегавший в углистой прослойке [Медведев 2003 а].

Датировка, полученная по углю, взятому из этого комплекса, казалась в то время невероятной: 12960 ± 120 (Je-1781) [Окладников, Медведев 1983; Деревянко, Медведев 1993], а потому была воспринята большинством специалистов с осторожностью. Но уже тогда эти находки вызвали у дальневосточных археологов вполне закономерные ассоциации с аналогичными открытиями на Японском архипелаге [Бродянский 1985: 135-140; 1989: 21-28]: к тому моменту там было известно уже несколько комплексов, сочетавших позднелеолитический по облику каменный инвентарь и керамику (Фукуи, Камикуроива и др.) [Aikens, Higuchi 1982; Imamura 1996].

Древность осиповского комплекса и наличие в нем керамики были подтверждены в дальнейшем открытиями первой половины 1990-х гг., когда были раскопаны два новых памятника – поселения Хумми и Гончарка-1. Полученные на них радиоуглеродные даты и другие факты свидетельствовали о том, что осиповская культура относится к финалу неоплейстоцена [Лапшина 1995; 1999; Шевкомуд 1996 б, в; 1998].

Эти открытия вызвали большой интерес как у российских специалистов, так и у их зарубежных коллег. Они заметно активизировали международное сотрудничество в области археологических исследований, по данной теме была опубликована целая серия специальных работ и проведена не одна научная конференция. Исследователи обсуждали вопросы стратиграфии, хронологии и типологии финально-плейстоценовых комплексов с керамикой, причем не только вновь открытых, но и тех, чьи материалы в свое время были восприняты как в России, так в Японии и Китае с большой осторожностью и недоверием. Итогом всей этой полемики стало окончательное признание факта раннего появления керамической посуды в бассейне Японского моря [The Origin of Ceramics...; Поздний палеолит...; The Review of Archaeology...].

В результате, уже в середине 1990-х гг. в периодизации каменного века Нижнего Приамурья наметились перемены. В частности, на материалах осиповской культуры был выделен период начального неолита [Медведев 1995], что совпало с общей тенденцией к отказу от понятия «мезолит» применительно к бассейну Амура и сопредельным территориям Северо-Востока Азии [Мочанов 1977; Ва-

сильевский, Гладышев 1989; Кузнецов 1992; Деревянко и др. 1998; Охотники-собиратели...]. Параллельно шла разработка концепции переходного периода, в которой доказывалось, что суть процессов, происходивших в данном регионе на рубеже плейстоцена и голоцена, заключалась в постепенной трансформации палеолитических культур в неолитические, а археологические комплексы этого времени имеют переходный облик [Поздний палеолит...; Василевский и др. 1997; Деревянко и др. 1998].

В целом проблема с определением периодизационного положения памятников конца плейстоцена сохраняется. Сложность ее в том, что облик комплексов этой эпохи различен. Одни из них, как например осиповские на Нижнем Амуре, действительно демонстрируют весь набор неолитических новаций, другие, как например устиновские в Приморье, сохраняют еще во многом палеолитические черты. Недостаток данных по абсолютному датированию большинства этих комплексов, к сожалению, не позволяет пока хронологически соотнести их между собой и тем самым проследить истинную динамику процессов неолитизации в регионе. Сохраняет свое значение для разработки всех этих вопросов и общая слабость источниковой базы. Источников либо не хватает, либо они недостаточно полно исследованы и опубликованы.

В связи с этим необходимо отметить, что открытия на поселениях Гася, Хумми и Гончарка-1 значительно стимулировали интерес к памятникам рубежа плейстоцена и голоцена в Нижнем Приамурье. Их изучение приобрело системный характер. Наиболее активные изыскания проводились экспедициями Хабаровского краевого музея им. Н.И. Гродекова. Результатом их было открытие более 45 новых памятников осиповской культуры в долине Амура и Усури, и, что особенно важно, большая их часть оказалась однослойными и хорошо стратифицированными объектами.

На ряде памятников были проведены стационарные полевые исследования на общей площади около 2000 кв. м. Благодаря им удалось установить стратиграфические особенности залегания осиповских комплексов, собрать представительную коллекцию артефактов, в том числе керамики, получить внушительную серию радиоуглеродных дат и убедительные данные о раннем переходе к неолиту в Нижнем Приамурье [Шевкомуд 2002 б; 2003 б; 2004 б; 2005 б; Шевкомуд и др. 2002 а, б, в; 2004; Shewkomud et al. 2003; Naganuma et al. 2005; Шевкомуд, Яншина 2010 а, б и др.].

В дополнение к этим исследованиям В.Е. Медведевым были пересмотрены и частично опубликованы осиповские коллекции уже давно известных памятников, таких как Осиповка-1, Кондон-Почта, Сикачи-Алян (нижний пункт), Госян и др. [Медведев 2001; 2003 а; 2008 а, б], а также опубликованы обобщающие работы по археологии

Нижнего Приамурья, в которых затрагивались и проблемы изучения осиповской культуры [Медведев 2005; 2006].

В результате за последние пятнадцать лет источниковая база осиповской культуры значительно увеличилась, появилась возможность вывести представления о ней на новый уровень. В настоящее время достаточно точно очерчен ареал ее распространения, получена информация об особенностях топографической локализации осиповских поселений, их стратиграфической приуроченности, хронологии, о палеогеографической обстановке, в которой складывалась культура, определены основные характеристики осиповского инвентаря и в конечном итоге выявлен ряд факторов, способствовавших ранней неолитизации в Нижнем Приамурье [Шевкомуд 1998; 2002 б; Медведев 2005; Шевкомуд, Яншина 2010 а].

В то же время в исследованиях, посвященных осиповской культуре, имеется и ряд проблем субъективного характера. Из них наиболее актуальными сегодня можно считать две, требующих решения в самую первую очередь.

Во-первых, несмотря на значительные достижения и успехи амурских археологов, к сожалению, имеется недостаток в монографических описаниях материалов отдельных осиповских памятников, большая их часть отражена пока только в малодоступных широкому кругу исследователей отчетах или статьях [см. напр.: Деревянко, Медведев 1992 а, б; 1993; 1994; 1995 и др.]. Исключение составляют лишь материалы Хумми [Лапшина 1999], однако источниковая ценность этого памятника вполне справедливо подвергается сомнению из-за отсутствия достоверных стратиграфических данных и ясной типологической классификации его инвентаря [Кузнецов 2003]. Все это создает известные трудности, так как лишает многих специалистов возможности составить целостное представление об осиповской культуре и оценить надежность аргументации ее финально-плейстоценового возраста. Особенно важно это с точки зрения доказательства раннего появления в бассейне Амура неолитических новаций и прежде всего керамической посуды.

Во-вторых, активные полевые исследования осиповских памятников привели к тому, что в последние годы отчетливо сформировалась потребность в систематизации и осмыслении накопившихся источников. Речь идет об анализе каменного инвентаря, керамики, их типологии, сравнительной характеристике отдельных осиповских комплексов и т.п. Такие исследования фактически еще не проводились в амурской археологии, между тем сам статус осиповской культуры как той, с которой было связано начало неолита в Приамурье, просто обязывает к их скорейшему осуществлению. Целый пласт проблем дальневосточной археологии напрямую связан с разработкой этого

круга вопросов. Часть из них касается более глубокого понимания самой осиповской культуры, например, ее внутренней динамики, локальных различий, определения ее общих технико-типологических характеристик, происхождения, контактных связей, другая связана с более общей проблематикой, например, выявлением факторов, способствовавших ранней неолитизации в бассейне Амура, конкретных ее механизмов, общей динамики, определения осиповского вклада в последующие культуры дальневосточного неолита.

Настоящая монография призвана в известной степени восполнить наметившиеся в историографии пробелы. Ее основная задача – публикация материалов поселения Гончарка-1.

Интерес авторов к этому памятнику обусловлен несколькими обстоятельствами. На сегодняшний день Гончарка-1 – один из самых широко раскопанных осиповских памятников, в общей сложности здесь за несколько полевых сезонов было вскрыто более 530 кв. м. В пределы раскопа попал практически непо потревоженный участок поселения, за счет чего в процессе исследований удалось четко зафиксировать стратиграфические условия залегания осиповских артефактов, выявить сохранные комплексы находок, объекты хозяйственно-бытового и культового назначения, а также погребение и культово-ритуальный комплекс. Материалы Гончарки-1 выгодно отличаются еще и тем, что они обеспечены целой серией радиоуглеродных датировок, связанных с надежным археологическим контекстом, и данными палинологических исследований.

Очень показательна и сама коллекция находок. Она представлена многочисленными, яркими и относительно хорошо сохранившимися артефактами, которые позволяют проводить статистически значимые типологические и иные исследования. Особенно важно последнее обстоятельство применительно к керамике, т.к. на большинстве других раскопанных осиповских стоянок керамические коллекции насчитывают не более нескольких десятков черепков. Таким образом, по общей сумме показателей поселение Гончарка-1 представляет собой сегодня наиболее полноценный с точки зрения источниковых возможностей памятник осиповской культуры, что ставит его в разряд опорных в археологии рубежа плейстоцена и голоцена на Дальнем Востоке России.

В книге рассмотрены материалы, полученные в 1995-1996 гг., когда раскопками был охвачен наиболее насыщенный находками участок памятника. Работы 2001 г. были проведены в содружестве с японскими археологами из университета Хоккай-

до и др. [Шевкомуд и др. 2002 б; Shewkomud et al. 2003], поэтому их результаты будут опубликованы отдельно.

Основной акцент в книге сделан на характеристику условий обнаружения осиповских артефактов, с тем чтобы показать надежность аргументов, свидетельствующих об их финально-плейстоценовом возрасте, а также на подробный анализ каменного инвентаря и керамики. Кроме того, в книге сделана попытка детального сравнительного анализа материалов Гончарки и коллекций двух других широко известных памятников осиповской культуры – поселений Гася и Хумми, а также с материалами финально-плейстоценового поселения Громатуха и раннеголоценовых неолитических комплексов региона – устиновского, новопетровского, мариинского, руднинского и кондонского. На этой основе в монографии предлагаются новые подходы к решению ряда общих проблем дальневосточной археологии, в частности внутренней динамики и происхождения осиповской культуры, ее соотношения с громатухинской культурой, а также осиповского участия в формировании дальневосточных культур классического неолита.

Авторы благодарят А.П. Деревянко, С.П. Нестерова, А.В. Табарева, В.Н. Зенина, В.Е. Медведева, Н.А. Кононенко, А.В. Гарковик, А.Н. Кузнецова, Н.А. Ключева, О.Л. Мореву, А.Н. Попова, Б.С. Сапунова, Д. П. Болотина, А.А. Василевского, А.Н. Алексеева, В.М. Дьяконова, Ю.А. Мочанова, С.А. Федосееву, Ямада Масахиса, Онуки Сидзуо, Сато Хироюки, Наганума Масаки, Фукуда Масахиро и многих других российских и японских коллег за возможность ознакомиться с коллекциями археологических памятников Приамурья, Приморья, Сахалина, Якутии, Японии и за полезные дискуссии по теме работы, Я.В. Кузьмина за помощь в подготовке английского резюме, Като Симпея, Йошида Кунио, Куникиту Даи, Фукуда Томоюки, Я.В. Кузьмина, А.В. Чернюк, Т. Джалла за результаты радиоуглеродной и палинологической аналитики для памятника Гончарка-1, Я.А. Ядринцеву, А.Б. Шиповалову за графическое оформление монографии, И.Е. Воробья и Э.В. Малавину за фотографический материал и его обработку, многочисленных участников экспедиций в Нижнем Приамурье, школьников и студентов, благодаря труду которых был исследован замечательный памятник Гончарка-1. Авторы благодарят также генерального директора Хабаровского краевого музея Н.И. Рубана за то, что в сложные для науки и культуры России 1990-е гг. обеспечил всевозможную поддержку и финансирование наших экспедиционных исследований.